

ЕЛЕНА ВЛАДИСЛАВОВНА БУСЫРЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных исследований
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2054-2910; ebusyreva@mail.ru

МЕТОДЫ РАБОТЫ С ПОЛЕВЫМИ ИСТОЧНИКАМИ В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

А н н о т а ц и я . Описываются виды источников и методы, применяемые в исследовании семейной истории научных сотрудников Кольского научного центра РАН. Изучались семьи, члены которых являлись сотрудниками Кольского научного центра (Кольского филиала Академии наук СССР) на протяжении двух-трех поколений. Акцент в исследовании сделан на культуре сохранения памяти. Несмотря на возросший интерес к научному сообществу, многим вопросам, касающимся мемориальной культуры семей научных сотрудников, не уделялось должного внимания. Вопрос о социально-культурных особенностях этой категории рассматривается в научной литературе почти исключительно в гендерном аспекте. С помощью описанных в данной статье методов автор попытался установить, какие способы коммеморации практикуют члены изучаемых семей, чтобы сохранить и передать последующим поколениям историю рода. В основу статьи легли интервью и материалы семейных архивов. Также анализировался комплекс документов, устных источников и визуальных предметов, поливидовых источников, отразивших отдельные события, на основании которых воссоздается история семей. Исследование показало, что во всех семьях наших информантов существуют коммеморативные практики, нацеленные на сохранение и трансляцию знаний об истории семьи (рода). Существенную роль в работе сыграла включенность двух поколений семьи исследователя в изучаемое сообщество, что оказало положительное влияние на взаимодействие с информантами и позволило реализовать принцип доверительного сотрудничества между участниками антропологического исследования.

Ключевые слова: научные сотрудники, Кольский научный центр, интервьюирование, биографические документы, эго-документы, эпистолярные материалы, визуальные источники, поливидовые исторические источники, компаративный метод

Благодарности . Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ЦГИ КНЦ РАН № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования: Бусырева Е. В. Методы работы с полевыми источниками в исследовании семейной истории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 92–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1355

ВВЕДЕНИЕ

Теме научного сообщества посвящено немало работ. Известный французский социолог Пьер Бурдьё утверждал, что социальные отношения в обществе определяются не только экономическими факторами, но и культурными. Именно этим отличается научное сообщество: его культурный капитал включает в себя различные виды «легитимного знания» (звания, дипломы) и ЗУНЫ (знания, умения, навыки)¹. Американский историк науки и философ Томас

Кун рассматривал научное сообщество как группу исследователей, обладающих знаниями высокого уровня и умножающих научные знания [4: 31–32]. Российский этнограф Т. Б. Щепанская определяет научное сообщество как специалистов, имеющих не только соответствующее образование, но и разделяющих «большую часть символично-нормативного комплекса» социальной группы [26: 51]. Кроме того, научное сообщество рассматривается как культурная среда, объединяемая общими повседневными практи-

ками, передающимися как традиция, в значительной мере на неформальном уровне, в ходе повседневных взаимодействий [10: 134, 137].

Современной мемориальной культуре семей научных сотрудников российские исследователи не уделяли должного внимания. Вопрос о социально-культурных особенностях этой категории анализируется почти исключительно в гендерном аспекте. С помощью описанных в данной статье методов автор попытался установить, какие способы коммеморации практикуют члены изучаемых семей, чтобы сохранить и передать последующим поколениям историю рода. Положительную роль в общении сыграла близость семей исследователя и семей – участниц исследования. Некоторые семьи знакомы еще с 1960-х годов, другие хорошо известны автору с начала 1990-х годов благодаря длительной совместной работе с их представителями в одном коллективе. Автору не приходилось искать информантов, прибегать к методу «снежного кома» (когда знакомые, коллеги или родственники указывали бы на кого-либо как на представителя научного сообщества КНЦ в нескольких поколениях). Не было необходимости убеждать участников исследования дать интервью, они без проблем соглашались на взаимодействие. Сказывалась принадлежность к изучаемому локальному сообществу, когда исследователь знает и разделяет его культурные паттерны [17: 224]. Данное обстоятельство способствовало созданию атмосферы доверия, искренности и непринужденности. Представители семей научного сообщества умеют хорошо рассказывать, понимают значение культуры семейной памяти и ее изучения. Чувствовалось их желание сотрудничать, помочь в работе, что дополнительно мотивировало исследователя.

На самоидентификации научных сотрудников сказывается представление об особенностях академического сообщества как социальной среды, которая отличается от среды «среднего человека». И не только по образовательному уровню. Как подчеркивают исследователи, научные сотрудники являются носителями определенных моральных достоинств [20: 137–138], [21: 166–167]. В частности, отличительной чертой наших информантов является культура речи. Как сказал К. В.: *«Академические семьи отличаются от других прежде всего тем, что прививают детям уважение к родному языку, литературе. Впитывают стремление знать какой-то иностранный язык»*. Помимо этого, дается установка на получение высшего образования. Некоторые информанты имеют два высших образования, например К. В., С. Т. и Ж. Н. В интервью

информанты рассказывали, на что родители делали акцент в воспитании:

«Родители, прежде всего, нас нацеливали на образование. Внушалась мысль, что надо получить не только школьное образование, но и стремиться дальше» [ПМА. Информант К. В., 1944 г. р.]; *«Специально родители на получение высшего образования не нацеливали, но своим примером показывали, что надо получить высшее образование. И папа, и мама имеют два высших образования. И мы своих детей нацеливаем на высшее»* [ПМА. Информант К. М., 1975 г. р.]; *«Нас с детства нацеливали на получение высшего образования. И родители, и их отцы были с высшим образованием. Я бы конечно не возражал, чтобы дети, у меня два сына, продолжили деятельность в науке. Но прямо вот так настаивать против желания, нет»* [ПМА. Информант М. Д., 1968 г. р.].

Безусловно, окружающая среда играет определяющую роль:

«Мои родители после окончания университета приехали по распределению в качестве молодых специалистов работать в Кольский филиал академии наук в Анатитках. Полагаю, кстати, что именно этот факт предопределил мою дальнейшую судьбу – стать ученым» [ПМА. Информант И. М., 1968 г. р.]; *«Детство прошло среди детей сотрудников Кольского филиала академии наук, которые росли вместе. Инфраструктура академгородка, заинтересованность родителей – молодых ученых и исследователей, создали необычайную образовательную среду: дети с ранних лет занимались музыкой, изучали иностранные языки, занимались разными видами спорта»* [ПМА. Информант С. Т., 1970 г. р.].

Во всех семьях наших информантов наблюдается стремление к сохранению памяти о прошлом своей семьи (рода). Семейно-родовая память является основным ресурсом формирования семейной культуры. Под семейной мемориальной культурой мы понимаем совокупность знаний, ценностей, традиций, коммеморативных практик, которые обеспечивают сохранение, передачу и осмысление опыта предшествующих поколений внутри семьи. Все информанты убеждены, что необходимо воспитывать у подрастающего поколения осознание ценности старых документов, фотографий своих близких и семейных реликвий, поскольку они являются культурной ценностью семьи [27: 166]. Семейная культурная память формирует у потомков чувство преемственности, помогает осознать свои корни, осмыслить влияние прошлого на настоящее [23].

ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЕ

В основу данной работы легли устные, письменные, визуальные и поливидовые исторические источники. Однако, как подчеркивал С. О. Шмидт, всякая классификация источников условна.

В работе применялся метод устной истории [24: 262–263]. Он наиболее распространен при изучении семейной мемориальной культуры [3: 43]. В ходе работы было получено более двадцати интервью, записанных с 2024 по 2026 год. Рассматривались только те семьи, члены которых являлись сотрудниками Кольского научного центра (КФАН) на протяжении двух-трех поколений. Например, информант М. Д. (1968 г. р.) – доктор технических наук, директор ИППЭС КНЦ, его отец М. В. (1937–2004) – доктор технических наук, заместитель директора по научной работе ИХТРЭМС КНЦ; информант М. Н. (1975 г. р.) – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС, ее отец (1932–1979) – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ПАБСИ, мать (1937–2003) – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС. Возраст информантов: самый старший – 1932 года рождения, а самый молодой – 1988 года рождения.

Интервью – это метод получения необходимой информации путем целенаправленной беседы в форме «вопрос-ответ». В процессе интервью исследователь лишь фиксирует ответы информанта. Прежде чем получить интервью, определяются тематика и цели исследования [8: 239]. В основном использовалось полуструктурированное интервью. Для этого заранее составлялся вопросник-путеводитель. Приведем пример приблизительных вопросов: а) имеют ли отличия семьи, в которых есть научные сотрудники, от других семей (образ жизни, ценности, мотивация к интеллектуальной деятельности и т. п.); б) что бы Вы рассказали о своем воспитании (чему уделялось внимание); в) как удавалось совмещать научную деятельность (в том числе и защиту диссертаций) с воспитанием детей, повседневными семейными заботами, помогал ли кто-нибудь; г) Вы бы хотели, чтобы Ваши дети продолжили деятельность в науке; д) на что тратился семейный бюджет, то есть чему отдавали предпочтение (собрание библиотеки, покупка жилья, дачи, машины, путешествия и т. п.); е) есть ли семейный архив, семейные реликвии, генеалогическое древо? Естественно, в процессе интервью постоянно возникали дополнительные вопросы.

Иногда применялось глубинное (нарративное) биографическое интервью, которое предполагает «получение развернутых рассказов о жизни информанта при минимальном вмешательстве собирателя». Этот метод используется, когда информант высказывает свое субъективное мнение о событиях макроистории, делясь воспоминаниями, например, о Великой Отечественной войне

[8: 234]. Биографические рассказы служат специфическим источником исторической информации, поскольку каждая семья является коллективным носителем как локального знания, так и знания макроисторических событий [12: 302–319].

В отличие от интервью беседа – это относительно свободный диалог между исследователем и информантом на определенную тему. Беседы строились по методу глубинного погружения, которое дает возможность получить достаточно объективную картину об истории рода, а также о коммеморативных практиках в семьях. Обычно беседы продолжались длительное время. Например, общение с Я. Е. продолжалось три часа. Ее рассказ отличался эмоциональностью. Как отметил М. Хальбвакс, чем старше человек, тем эмоциональнее его воспоминания [22: 185]. Кроме того, иногда приходилось повторно общаться с информантами, если возникали дополнительные вопросы. Интервью очень информативны в отношении истории повседневной жизни семей.

Иногда применялась запись по «горячим следам», то есть текст записывался в ближайшее время после получения устного интервью в тех случаях, если рассказ информанта не фиксировался на диктофон. С некоторыми информантами общение проводилось по электронной почте. Использовался метод триангуляции, когда сопоставлялась информация, полученная от родственников семьи или от людей, хорошо знавших семью. В более широком понимании, метод триангуляции – это использование «разносторонних методов при анализе одного и того же явления» [7: 48]. Сравнительный анализ данных, полученных из разных источников, снижает риск искажений.

При большой значимости интервью как устного источника мы исходили из необходимости обращаться к другим данным, так как интервью требовали исторического комментария по части фактов, находящихся, как известно, в сложных отношениях с тем, что сохраняет избирательная человеческая память. Пробелы по возможности восполнялись из других источников, в первую очередь по документам из семейных архивов. Как исследователю, так и членам семей в поиске биографических сведений большую помощь оказали интернет-сайты «Бесмертный полк»², «Генеалогическое исследование рода и семьи»³ и «Память народа»⁴.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

При изучении истории жизни использовался биографический метод. Это способ детального

изучения жизни человека при помощи интервью и анализа письменных биографических источников, так как без биографического описания нельзя собрать достоверные сведения, оценить релевантность полученных ответов в интервью [16: 126–127].

Согласно теории культурной памяти, сообщество должно иметь основание в виде мемориальных свидетельств прошлого [1: 19–21]. Эти свидетельства хранят семейные / родовые архивы. И. А. Разумова подчеркивает, что «глубина памяти и объем знаний об истории семьи находятся в прямой зависимости от наличия семейного архива» [13: 95, 97]. В состав архивов, как правило, входят документальные источники: биографические документы, дневники и воспоминания, эпистолярные материалы, служебные документы, визуальные и вещественные источники [18: 62]. В ходе работы анализировались письменные источники, основу которых составляют биографические документы и эго-документы, по которым можно воссоздать основные этапы жизни человека: свидетельства о рождении и смерти, свидетельства о браке, документы об образовании, пропуска, грамоты, различные справки и т. д. Мы относим письменные источники (в том числе и документы) к полевым материалам, так как они хранятся в семейных архивах информантов, а не в государственных архивах.

Биографическими являются документы, связанные с трудовой деятельностью: трудовые книжки, справки, выданные на работе. К этой же группе можно отнести грамоты.

В состав официальных письменных источников входит переписка между официальными лицами. В семейном архиве П. Л. хранится письмо от заместителя председателя Советов филиалов Академии наук СССР председателю Президиума КФАН СССР А. В. Сидоренко по поводу деда информанта П. Л., который «сбежал» из Института сейсмологии Академии наук Таджикской ССР на север. Дед оказался в Кольском филиале Академии наук по приглашению А. В. Сидоренко (рис. 1).

К письменным официальным источникам относятся Приказы о награждении членов семьи орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны. Для реконструкции истории семьи в военные годы некоторые информанты (например, К. М. и М. Н.) пользовались официальными сайтами «Память народа» и «Бессмертный полк».

Другой вид письменных источников, хранящихся в семейных архивах, – это эго-документы, так обобщенно обозначаются мемуары, автобио-

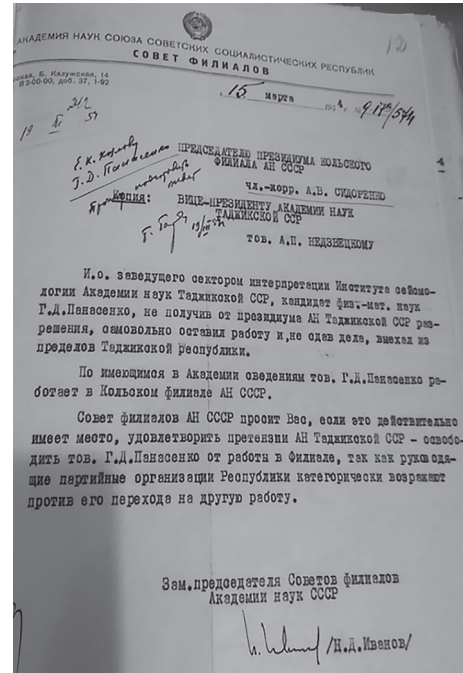

Рис. 1. Письмо председателю Президиума КФАН СССР А. В. Сидоренко от зам. председателя Советов филиалов Академии наук СССР. 1954 год.
Из семейного архива информанта П. Л.

Figure 1. A letter to A. V. Sidorenko, Chairman of the Presidium of the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences, from the Deputy Chairman of the Councils of the Branches of the USSR Academy of Sciences, 1954. Source: family archive of informant P. L.

графии, записные книжки, письма, то есть письменные источники личного происхождения [28: 17]. Эпистолярные материалы являются важной составляющей частью семейных архивов. Они выполняют функцию передачи информации между отдельными людьми и обеспечивают личные связи. Примером могут служить хранящиеся в семейном архиве информанта И. М. дореволюционное «открытое письмо», содержащее бытовой текст об отдыхе в Кисловодске, или письмо, адресованное отцу информанта Б. Е., от профессора кафедры разработки рудных месторождений Ленинградского горного института П. И. Городецкого по поводу поступления в аспирантуру.

В семейном архиве информанта П. Л. сохранились воспоминания ее деда об О. Ю. Шмидте. Текст был подготовлен для выступления по Мурманскому телевидению в 1966 году. В своих воспоминаниях дед подчеркивал доброту, простоту, скромность, а также организаторские способности О. Ю. Шмидта. Как любое мемуарное сочинение, оно ценно тем, что воспроизводит личный взгляд автора, основанный на ретроспективно описанных впечатлениях. Письменные мемуары

создаются «исключительно для фиксации памяти о прошлом» [9: 425].

На рис. 2 – титульный лист записной книжки прадеда информанта Б. Е., в которую он записывал значимые семейные события, например дни рождения, в течение нескольких лет. В дальнейшем традицию записывать в книжку важные семейные события продолжила его младшая дочь.

Рис. 2. Записная книжка прадеда.
Из семейного архива информанта Б. Е.

Figure 2. Great-grandfather's notebook.
Source: family archive of informant B. E.

В состав эго-документов входят автобиографии и дневники. Они обладают большим литературным потенциалом, побуждая потомков к творчеству. Автобиографии начинают писать в определенном возрасте, когда уже имеется жизненный опыт [15: 37, 41]. В ряде случаев воспоминания содержат истории семей, особенно когда приверженность профессии становилась преемственной [14: 8]. В семейном архиве информанта А. В. хранится автобиография или, как озаглавил отец, «*краткий автобиографический очерк*». Со слов сына, «*тетрадку он вел с пятьдесят седьмого по семьдесят восьмой год*» [ПМА. Информант А. В., 1961 г. р.]. Информант сгенерировал автобиографию отца в электронном виде, дополнив ее своими комментариями и семейными фотографиями.

При анализе письменных источников в первую очередь обращалось внимание на внешние особенности документа. Например, дореволюционные источники легко определяются по на-

личию в тексте буквы Ъ. Далее выяснялось происхождение, толкование текста информантом, сравнение содержания источника с документированными фактами. В нашем случае установить дату документов было несложно, так как все они обладали атрибуцией [5: 129].

Анализ всех видов письменных источников, хранящихся в семейных / родовых архивах, позволил проследить историю семьи на протяжении нескольких поколений.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Визуальные источники представлены фотографиями, генеалогическими схемами, рисунками, которые способствуют воссозданию образов прошлого, выявлению характерных особенностей жизни как отдельного человека, так и его окружения [11: 34, 253]. Самым распространенным видом визуальных семейных источников являются фотографии, которые, как правило, хранятся в семейных фотоальбомах, располагаясь в хронологическом порядке [25: 64] и представляя визуальную историю жизни семьи. Часто они помогают информантам вспомнить и пересказать те или иные события [18: 76–78]. При интерпретации фотографий сведения, полученные во время интервью, сопоставлялись с информацией, размещенной в интернете, например на официальном сайте «Генеалогическое исследование рода и семьи».

При работе с фотографиями прежде всего устанавливалась атрибуция: кто запечатлен на снимке, когда и где производилась съемка. Фотографии передают атмосферу ушедшей эпохи, помогают в исследовании материального мира предков [29: 491], именно так они воспринимались информантами. Так, одежда изображенных определяет их социальный статус, и по фотографии сразу предполагается, что перед нами аристократическая семья: прабабушка Екатерина Николаевна фон Ренкуль (урожденная княжна Оболенская – в честь нее назвали нашего информанта), рядом с ней ее зять Александр Лашинский (дед информанта Я. Е.). Нижний ряд: зять, муж старшей дочери Веры, юрист Коровко; Миша; Вера Амандовна Коровко (урожденная фон Ренкуль); Татьяна (мать Я. Е.); Любовь Амандовна Лашинская (урожденная фон Ренкуль, бабушка) (рис. 3). На другой фотографии прадед, прабабушка и брат бабушки информанта Б. Е. Прадед был рабочим Путиловского завода, скорее всего, квалифицированный (рис. 4). По внешнему облику определяется, что семья относится к рабочему классу, так как мужчина в костюме и ботинках (а не в сапогах, как принято было

у крестьян), с часами, но в косоворотке. Понятно, что это «показная» фотография: нарядная одежда, украшения и позы неестественные.

Рис. 3. Слева стоит прабабушка Екатерина Николаевна фон Ренкуль (урожденная княжна Оболенская, 1845–1915). Рядом с ней ее близкие родственники. Санкт-Петербург, ~1910 год. Из семейного архива информанта Я. Е.

Figure 3. Informant's great-grandmother (left), Ekaterina Nikolaevna von Renkul (née Princess Obolenskaya, 1845–1915) with her close relatives next to her, St. Petersburg, c. 1910. Source: family archive of informant Ya. E.

Рис. 4. Семья рабочего: прадед, прабабушка и брат бабушки информанта. Санкт-Петербург, 1901 год. Из семейного архива информанта Б. Е.

Figure 4. Worker's family: informant's great-grandfather, great-grandmother, and grandmother's brother, St. Petersburg, 1901. Source: family archive of informant B. E.

На следующей дореволюционной фотографии прапрадед информанта Ж. Н. из зажиточной крестьянской семьи (рис. 5). На то, что он принадлежал к крестьянам, указывают косоворотка и сапоги, а то, что к зажиточному слою крестьян, — часы на цепочке в кармане жилета. Снимок был сде-

лан, скорее всего, в Петрозаводске, так как семья имеет веппские корни из села Шёлтозеро [2: 91]. Фотографии документируют жизнь рода, материализуя семейную память.

Рис. 5. В центре – прапрадед информанта из зажиточной крестьянской семьи. Петрозаводск. Из семейного архива информанта Ж. Н.

Figure 5. Informant's great-great-grandfather from a well-to-do peasant family (center), Petrozavodsk. Source: family archive of informant Zh. N.

ПОЛИВИДОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

К поливидовым относятся исторические источники, которые сочетают в себе разные виды документов или материалов, отражающих исторические события, явления или процессы. В их состав входят награды и фотографии с надписями, атрибуцией. Наличие сопроводительного текста к фотографии крайне важно, он помогает определить, кто изображен, где и когда проводилась съемка, а также рассказывает о родственниках, об отношениях между членами семьи. Например, на следующей фотографии — отец информанта К. П., старший писарь Лейб-гвардии Семеновского полка (рис. 6). Информант подчеркнул значение атрибуции:

«Вот самое ценное (из семейных реликвий. — Е. Б.) — это фотография отца тысяча девятьсот семнадцатого года. Тем более, там надпись есть. На груди — это не орден, а значок Семеновского полка» [ПМА. Информант К. В., 1944 г. р.].

Фотография матери информанта Я. Е. ценна тем, что на оборотной стороне написано шутивное послание от отца бабушке (теще) (рис. 7).

Рис. 6. Отец. Петроград, 28 декабря 1917 год.
Из семейного архива информанта К. П.

Figure 6. Father, Petrograd, 28 December 1917.
Source: family archive of informant K. P.

Поливидовыми источниками являются также памятные предметы с надписями, так как они соединяют свойства материальных и письменных источников. В частности, к ним относятся ордена и медали, а также реликвии с гравировкой. Так, в семье информанта К. М. хранится медаль деда «За оборону Заполярья», а у информанта Б. Е. – серебряная ложка с вензелем и надписью, подаренная отцу в день его 25-летия. Благодаря наличию гравировки родные знают, когда, кому и от кого был сделан подарок.

Поливидовые источники дают возможность реконструировать семейную историю, а при наличии атрибуции – установить достоверные данные на основе сопоставления с другими источниками, например устными [7: 55]. Лишь благодаря рассказам отца информанту М. Д. известно, что его дед:

«Был полковником авиации, отвечал за материально-техническое обеспечение летной части в составе оккупационных войск в Австрии» [ПМА. Информант М. Д., 1962 г. р.].

Рис. 7. Мать. Баку, 1930 год.
Из семейного архива информанта Я. Е.

Figure 7. Mother, Baku, 1930.
Source: family archive of informant Ya. E.

Иногда в процессе исследования нам удавалось найти на интернет-сайтах информацию, которая не была известна семье. Например, информант М. Д. (1962 г. р.) не знал, что за награда на фото у деда. Как выяснилось, это чехословацкий крест. В поиске сведений о предках информантов существенную помощь оказал сайт «Память народа», содержащий подлинные архивные документы о Великой Отечественной войне. Так, автор нашел на этом сайте информацию о награждении отца Ж. В. орденом Красного Знамени в 1942 году, орденами и медалями деда И. М., деда М. Д. (1968 г. р.)³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование семей научных сотрудников КНЦ опиралось на комплексную методику, прежде всего на методы устной истории, а также на анализ письменных источников и неопубликованных текстов воспоминаний, хранящихся в домашних архивах, ознакомление с предметами-реликвиями и фотографиями, представляющими для их владельцев мемориальную ценность.

Сведения, полученные в результате интервьюирования, сопоставлялись с данными семейных

архивов и с информацией, размещенной в интернете или опубликованной в других источниках. Сопоставление помогло, например, установить или уточнить даты рождения предков и их имена. Это еще раз подтверждает эффективность комплексной методики и компаративного подхода, при котором выявляются сходства и различия между этими видами источников, в изучении исторического знания [11: 254] и культуры любого сообщества [19: 30].

Важным обстоятельством было то, что представители семей научных сотрудников КНЦ, в отличие от ряда информантов с финскими корнями, с которыми ранее приходилось работать, сразу легко шли на контакт. Опасения со стороны финнов в общении с исследователем объясняются психологической травмой, нанесенной их народу в годы сталинских репрессий по национальному признаку [6: 126], и настороженность сохранилась у некоторых представителей старшего поколения. Пример тому – высказывание пожилой финки: *«Я никогда никому ничего не говорила. Вы сами понимаете, какие времена были»* [27: 164].

В общении с «академическими» семьями естественным образом на основе многолетнего знакомства участников исследования реализо-

вался принцип доверительного сотрудничества, который является залогом успешной антропологической работы.

В статье дано описание видов источников и методов, применяемых при их изучении. Акцент в исследовании был сделан на мемориальной культуре семей. Было установлено, что во всех семьях существует семейный (родовой) архив. Рассмотрены способы коммеморации в семьях научных сотрудников КНЦ, используемые в целях сохранения и передачи истории рода последующим поколениям. Например, создаются архивные папки для биографических документов и других видов письменных материалов, оформляются фотоальбомы, составляются генеалогические схемы (поколенные росписи) – иногда отдельно по отцовской и материнской линиям. Сюда же относятся атрибутирование и бережное хранение мемориальных предметов (в некоторых семьях существуют описи реликвий). Большое распространение имеет дублирование в электронном виде всех имеющихся материалов. Таким образом, исследование позволило сделать вывод об эффективности комплексного подхода и компаративного метода при изучении семейной мемориальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пьер Бурдьё: французский социолог, чья теория меняет наше понимание общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nauchniestati.ru/spravka/burde-per-francuzskij-socziolog> (дата обращения 17.08.2026).

² Бессмертный полк. <https://moypolk.ru>.

³ Генеалогическое исследование рода и семьи. <https://familio.org/persons>.

⁴ Память народа. <https://pamyat-naroda.ru>.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

- Я. Е., 1932 г. р., ж., кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС, дочь – научный сотрудник ЦЭС КНЦ;
К. В., 1944 г. р., м., начальник патентного отдела КНЦ, племянник – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ГИ;
Ж. В., 1952 г. р., м., член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, советник генерального директора КНЦ по медико-биологическим вопросам, отец (1913–1977) – кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией ГИ;
Б. Е., 1960 г. р., ж., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦГИ, отец – доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Горного института;
А. В., 1961 г. р., м., кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник КФ ГС, племянница – кандидат биологических наук, ученый секретарь КФ ГС;
М. Д., 1962 г. р., м., кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник ИХТРЭМС, отец – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС;
И. М., 1968 г. р., ж., доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭП, отец – доктор технических наук, главный научный сотрудник ПШИ;
М. Д., 1968 г. р., м., доктор технических наук, директор ИППЭС, отец – доктор технических наук, заместитель директора по научной работе ИХТРЭМС;
С. Т., 1970 г. р., ж., доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭП, отец (1937–2024) – доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник ГИ;
К. М., 1975 г. р., м., кандидат технических наук, старший научный сотрудник ГИ, дядя – начальник патентного отдела КНЦ;
М. Н., 1975 г. р., ж., кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС; отец – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ПАБСИ, мать – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС;

Ж. Н., 1985 г. р., м., инженер и аспирант ИХТРЭМС, отец – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭП;

П. Л., 1988 г. р., ж., заведующая научным архивом КНЦ, отец – ведущий инженер-программист Горного института, бабушка – кандидат химических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС, дедушка – кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией сейсмологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИ – Геологический институт

ИППЭС – Институт проблем промышленной экологии Севера

ИХТРЭМС – Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья

ИЭП – Институт экономических проблем

КНЦ – Кольский научный центр

КФАН – Кольский филиал Академии наук СССР (1949–1988 годы)

КФГС – Кольский филиал Единой геофизической службы

ПАБСИ – Полярно-альпийский ботанический сад-институт

ПГИ – Полярный геофизический институт

ПМА – полевые материалы автора

ЦГИ – Центр гуманитарных исследований

ЦЭС – Центр физико-технических проблем энергетики Севера

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Бусырева Е. В. Культурные практики в семьях с карельскими и вепскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 12. С. 85–95.
3. Грибанова Н. С. Этнографические методы сбора информации (наблюдение, опрос) // Этнографические исследования истории и культуры народов Алтайского края: Учеб. пособие / Т. К. Щеглова, Н. С. Грибанова, Н. В. Люля и др.; Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 41–48.
4. Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Научное сообщество и его формы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 2 (26). С. 30–33.
5. Есипова Е. А., Климкин В. М., Елизаров А. И. Письменный источник как предмет материальной культуры // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 129–132.
6. Илюха О. П. Повседневность советско-финляндского пограничья 1930-х годов в воспоминаниях о детстве // Труды КарНЦ РАН. Серия «Гуманитарные исследования». 2012. № 4 (3). С. 124–133.
7. Карандин К. С. Особенности применения стратегии триангуляции в социологических исследованиях // Экономика. Социология. Право. 2016. № 4. С. 47–53.
8. Касаткина А. К. Городская этнография в формате web: Техника сбора данных, этика, перспективы // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 14 / Отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 230–246.
9. Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом, археографическом и источниковедческом знании // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 424–430.
10. Комарова Г. А. Научное сообщество как междисциплинарное исследовательское поле // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 133–150.
11. Магидов В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.
12. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
13. Разумова И. А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: Исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М.: МОНФ, 2001. С. 93–115.
14. Разумова И. А., Саморукова А. Г. Хроника жизни ученого-геолога как исторический и социально-антропологический источник // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Вып. 20. С. 5–25. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.1.20.001
15. Разумова И. А., Саморукова А. Г. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Ч. 1. Автобиография // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2. С. 32–48. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.003
16. Рогозин Д. М. Биографический метод: обзор литературы // Социологическое обозрение. 2015. Т. 10, № 1. С. 120–129.
17. Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14, № 1. С. 224–273.
18. Рыков А. В. Материалы семейного архива как исторический источник // Этнографические исследования истории и культуры народов Алтайского края: Учеб. пособие / Т. К. Щеглова, Н. С. Грибанова, Н. В. Люля и др.; Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 62–86.

19. Соколовский С. В. Автоэтнография и антропологические исследования науки // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Серия: Этнос. Культура. Социум. 2010. Т. 15. С. 29–48.
20. Фоминых С. Ф., Степнов А. О. Повседневность ученых г. Томска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 132–142. DOI: 10.17223/15617793/412/22
21. Фрумкин К. Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 348 с.
22. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
23. Шалин В. В., Астахова Р. К. Семейно-родовая память как ресурс формирования семейной культуры личности // Теория и практика общественного развития. 2020. Вып. 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.dom-hors.ru/teoria-praktika/2020/5> (дата обращения 21.05.2026).
24. Шмидт С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А. Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщений. М.: РГГУ, 1991. С. 262–263.
25. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2010. 168 с.
26. Щепанская Т. Б. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // Антропология профессий / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, 2005. С. 50–100.
27. Busyreva E. Le cas des familles russes d'origine finnoise dans l'oblast' de Murmansk. Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours // Revue des études slaves. 2021. Tome 92, fasc. 1. P. 161–172. DOI: 10.4000/res.4193
28. Dekker R. Jacques Presser's heritage: Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. 2002. № 5. P. 13–37. Available at: <http://www.egodocument.net/pdf/2.pdf> (accessed 07.05.2026).
29. Twine F. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies // Ethnic and Racial Studies. 2006. Issue 29, № 3. P. 487–511.

Поступила в редакцию 10.06.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Elena V. Busyreva, Cand. Sc. (History), Senior Researcher,
Centre of the Humanities Research, Kola Science Centre of the
Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2054-2910; ebusyрева@mail.ru

METHODS OF WORK WITH FIELD SOURCES IN STUDYING FAMILY HISTORY

Abstract. This article aims to explore and describe the types of sources and methods used in studying the family histories of research fellows affiliated with the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. The studied families included those with members who have worked at the Kola Science Centre (formerly the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences) across two to three generations. The study focused on the memorial culture associated with the preservation of memory within these families. Despite increasing scholarly interest, many aspects related to the memorial culture among the families of research fellows remain underexplored. Notably, socio-cultural characteristics of this category of families are predominantly examined from a gendered perspective. Using the methods outlined in this article, the author attempts to identify the commemorative practices employed by these families to preserve and transmit their family history to future generations. The research is based on the results of the author's fieldwork, including interviews and analysis of family archives. A comprehensive analysis of documents, oral sources, visual materials, and multi-faceted sources reflecting individual events was used to reconstruct the family histories. The findings reveal that all the informants' families have engaged in commemorative practices aimed at maintaining and passing down their family history. An important factor contributing to the success of this research was the inclusion of two generations of the author's own family within the community studied, which facilitated interactions with the informants and supported the implementation of the principle of trustful cooperation among the participants in the anthropological study.

Keywords: researchers, Kola Science Centre, interviewing, biographical documents, ego-documents, epistolary materials, visual sources, multi-faceted historical sources, comparative method

Acknowledgements. The article was written as part of the state research task No FMEZ-2024-0002 ("The Dynamics of the Sociocultural Landscape of the Kola North in the Context of the History of the Development of Russia's Arctic Frontier") assigned to the Centre of the Humanities Research at the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Busyreva, E. V. Methods of work with field sources in studying family history. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):92–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1355

REFERENCES

1. Assman, J. Cultural memory: writing, remembrance, and political identity in early civilizations. (M. M. Sokolskaya, Transl.). Moscow, 2004. 368 p. (In Russ.)

2. Busyрева, Е. В. Cultural practices in families with Karelian and Vepski roots. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2017;8(12):85–95. (In Russ.)
3. Gribova, N. S. Ethnographic methods of collecting information (observation, survey). *Ethnographic studies of the history and culture of the peoples of the Altai Territory: Textbook*. (T. K. Shcheglova, Ed.). Barnaul, 2019. P. 41–48. (In Russ.)
4. Denisov, S. F., Denisova, L. V. Scientific community and its forms. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2007;2(26):30–33. (In Russ.)
5. Esipova, E. A., Klimkin, V. M., Elizarov, A. I. Written source as a subject of material culture. *Tomsk State University Journal*. 2003;276:129–132. (In Russ.)
6. Ilyukha, O. P. Daily life on the Soviet-Finnish borderland of the 1930s in childhood memories. *Transactions of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. “Research in the Humanities” Series. 2012;4(3):124–133. (In Russ.)
7. Karandin, K. S. Features of triangulation strategy in sociological research. *Economics. Sociology. Law*. 2016;4:47–53. (In Russ.)
8. Kasatkina, A. K. Urban ethnography in web format: Data collection techniques, ethics, prospects. *Field study materials of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences*. Issue 14. St. Petersburg, 2014. P. 230–246. (In Russ.)
9. Kozlov, V. P. Documentary memory in archival, archaeographic, and source study knowledge. Historical memory and Russian identity. (V. A. Tishkov, E. A. Pivneva, Eds.). Moscow, 2018. P. 424–430. (In Russ.)
10. Komarova, G. A. Scientific community as an interdisciplinary field. *The Political Conceptology*. 2011;1:133–150. (In Russ.)
11. Magidov, V. M. Film and photo documents in the context of historical knowledge. Moscow, 2005. 394 p. (In Russ.)
12. Razumova, I. A. Hidden knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History. Moscow, 2001. 376 p. (In Russ.)
13. Razumova, I. A. Written traditions of the modern family: problems of collection and study. “Naive literature”: Research and texts. (S. Yu. Neklyudov, Ed.). Moscow, 2001. P. 93–115. (In Russ.)
14. Razumova, I. A., Samorukova, A. G. The life chronicle of a geologist as a historical and socio-anthropological source. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2021;20:5–25. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.1.20.001 (In Russ.)
15. Razumova, I. A., Samorukova, A. G. Genre and specific features of the book of memoirs by E. B. Khalezova. Part 1. Autobiography. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2022;8(2):32–48. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.003 (In Russ.)
16. Rogozin, D. M. Biographic method: review. *Russian Sociological Review*. 2015;10(1):120–129. (In Russ.)
17. Rogozin, D. M. How autoethnography works. *Russian Sociological Review*. 2015;14(1):224–273. (In Russ.)
18. Rykov, A. V. Materials of the family archive as a historical source. *Ethnographic studies of the history and culture of the peoples of the Altai Territory: Textbook*. (T. K. Shcheglova, Ed.). Barnaul, 2019. P. 62–86. (In Russ.)
19. Sokolovsky, S. V. Autoethnography and anthropological studies of science. *Ethnomethodology: Problems, Approaches, Concepts*. Series: Ethnos. Culture. Society. 2010;15:29–48. (In Russ.)
20. Fominykh, S. F., Stepnov, A. O. Daily life of Tomsk scholars during the Great Patriotic War (1941–1945). *Tomsk State University Journal*. 2016;412:132–142. DOI: 10.17223/15617793/412/22 (In Russ.)
21. Frumkin, K. G. Admiring the academic class: Reflection of the social history of Soviet science in literature, art, and public rhetoric. Moscow; St. Petersburg, 2022. 348 p. (In Russ.)
22. Halbwachs, M. The social framework of memory. (S. N. Zenkin, Transl.). Moscow, 2007. 348 p. (In Russ.)
23. Shalin, V. V., Astakhova, R. K. Family and generic memory as a resource for forming a family culture of a person. *Theory and Practice of Social Development*. 2020;5. Available at: <https://archive.dom-hors.ru/teoria-praktika/2020/5> (accessed 21.08.2026). (In Russ.)
24. Schmidt, S. O. Prerequisites for the “oral history” in the historiographic culture of Russia. *Realism of historical thinking. Problems of Russian history of the feudal period: Readings Dedicated to the Memory of A. L. Stanislavsky: Abstracts of reports*. Moscow, 1991. P. 262–263. (In Russ.)
25. Szotompa, P. Visual sociology. Photography as a research method. Moscow, 2010. 168 p. (In Russ.)
26. Shchepanskaya, T. B. Constructions of gender in the informal discourse of professions. *Anthropology of professions*. (P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova, Eds.). Saratov, 2005. P. 50–100. (In Russ.)
27. Busyрева, Е. Le cas des familles russes d’origine finnoise dans l’oblast’ de Murmansk. Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours. *Revue des études slaves*. 2021;92(1):161–172.
28. Dekker, R. Jacques Presser’s heritage: Egodocuments in the study of history. *Memoria y Civilización*. 2002;5:13–37. Available at: <http://www.egodocument.net/pdf/2.pdf> (accessed 07.05.2026).
29. Twine, F. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies. *Ethnic and Racial Studies*. 2006;29(3):487–511.

Received: 10 June 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026